

Рок Рюрик

Сорок Сороков

**Диалектические поэмы ничевоком
содеянные**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Р97

Р97 **Рюрик Р.**
Сорок Сороков: Диалектические поэмы ничевоком содеянные / Рок Рюрик – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-519-81104-0

ISBN 978-5-519-81104-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Ты слышала меня без слов, как ветер просто,
и за твою борьбу, в которой пала ты же,
приими, звенящих, слов тугую россыпь,
Стрижик.

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ.

Стихи этой книги—соединение крайностей в смысле подбора материала, изложения его, постройки троп и ритмов.

Все стихотворные вещи об'единены одним планом и в основных звеньях выполняют трилогию, писанную последними 3½ годами (1919—1922 г.).

Теза, Антитеза, Синтез
«Чтенья», «Requiem», «Фармазоны».

Постройка Фармазонов перекрещивает две темы.

Действие всей поэмы развернуто в голове человека посещающего фармазонов — первая тема.

Выводит из общего действия, вторая—воспоминанья о прошлой жизни—четыре времени года, разработанных в стройке самостоятельно.

Поэма „Сорок Сороков“—в связи с трилогией—она подготовка от антитезы к синтезу.

Таким образом в стихах развит диалектиче-ско-творческий перегон автора.

Книги Рюрика Рока.

От Рюрика Рока чтения — ничевока поэма. К-во Хобо Москва 1921 — распродано.

Сорок Сороков — диалектические поэмы. К-во Хобо Москва 1923.

Чаплинияда Кино-поэма Ивана Голля, перевод Р. Рока. К-во Театральная библиотека. Москва 1923 год.

Остыванье — книга стихов (готова к печати).

Координаты Ничего — теория ничевочества (готовится)

Пикник на Запад — об экспрессионизме и дада (готовится).

ОТ РЮРИКА РОКА ЧТЕНЬЯ.

Посвящается А. Белому

и

18 февраля 1918 года.

ЧТЕНИЕ I-е.

Н. Николаевой.

1. Не дрогнет бровь и губы стынут строго.
Круги черчу.
И все ясней в пространствах крышка гроба
большую птицей реет чуть.
2. Я ныне, в царствие антихристово,
в годы собачьей любви нег,
вперяю слова на ветра волчий вой,
к Матери Божьей взываю: Машине.
3. И к тебе, и к тебе Троево отродье—
с гирями маковых кос,
к Тебе, поправшей, как окурки годы
и собравшей их шумный покос.
4. К Тебе, незнающей бр. Альшванг скрижалей,
ни очереди у Вандрага:
гудками бури явись из дали,
явись, о явись Кассандра!
5. В мурль каньи аэроплана,
в тяжелой походке орудий,
в смерти лейтенанта Глана,
в женской щекатуренной груди,
6. и в минаретах слов поэта
чую Кассандра, чую Твой шаг:
руки преломленные заката
твой рдяной стяг;
7. этих рдяных кос зигзаг
каждый новый день кутает в сон,

а трава семафоров глаз
никогда не звенит: „Благополучно“.

8. И Тебе мяукает рысь,
с головою в листьях осенних,
мой любимый Иоанн Креститель —
отрок Сережа Есенин.
9. Мать, ива мать,
где сын твой махровый?
Вижу у него на груди талисман—
крест дубовый.
10. И вы жены, неверные жены —
где свежие сгнили тела мужей?
Тот о бархатом травы, зеленой,
скрыто трупье от червей и от вшей.
11. Всеми жизнями, сжатыми
со сладкой земли полыни—
Кассандра гремела: „Братья,
в корявое верьте Имя“
— Никого теперь не жаль.
- ✓ 12. Пулеметами с Метрополя
ты стучалась о каждые двери,
но могуча забвенья воля,
и вы как всегда ей не верили.
13. Осиним жужаньем ставила к стенке,
крякала выстрелом самоубийцы комнате,
на томинала тиком секундной стрелки,
молнией лязгала:
„Помните!
Помните!
Помните“.—
14. Но вижу, вижу и знаю:
как соколы кружат слова—
их Кассандра картавым кварталом пускает
и они бумерангом ковыляют к вам.
15. Не дрогнет бровь и губы стынут строго.
Слова черчу.
И все ясней в пространуть. крышка гроба
большою птицей реет чуть.

16. Каждый расколот.
Пламенем муки об'ят.
Громом дней молот
бьет в корявый закат.
17. Гром знаменует:
близок срок,—
всуе, волнами бьетесь, всуе—
мир занемог.
18. Ревут гудки, рокочут:
„Грядет“,
и, дыма ломая порчу,—
„Мы вот“,—
19. мы вот, на готове—
ждем, будет день,
и в липкой горячке нови
не станет совсем деревень,
20. не прыснет зеленью травка,
ни понюшки цветка,—
вы увидите дым заткал
последней звезды канкан,
21. плиты, бетоны,
на углах из синемо сад—
каждый человек утонет
в восторгах маркиза де Сад.
22. Но машины в ровном скрежете
точат свои клинки,—
будет день и они разрежут
мир, мрущий от тоски,
23. разорвут на части,
маховик их дифференциалом счислит.
Эй машины у власти!
Эй, грядут машинные мысли!
24. Да придет царство машины,
и человек с заводом на 24 часа,
землю со скуки сдвинет
и бросит небесным Псам;

25. и только в пустыне эфира
замается от спичек коробка,
а на ней изречение Штирнера:
„К черту землю мы не робкие“.
26. И как отзвук тех далеких былей,
и как запах будущих утех—
взрыв войны, и капли крови в пыли,
и параболы мертвых тел;
27. стылым грохотом орудий
мира тело хромое орет,—
в распоротые груди
орет орудий рот:
28. „Ваши пальцы пахнут ладаном,
а в гасницах спит печаль,
ничего тепежь не жаль“.
никого теперь не надо нам,
29. Утопия, какую не вымечтал Моррис,
вонзает в мозг насмешку, что кинжал,—
из крови новое Красное море—
— Никого теперь не жаль.
30. В грохотаньях роковые сцепленья
давят усталых грудь:
позабудь мысли твердой горенье,
позабудь, явись, будь.
31. Про холод и муки разлуки,
как шаги командора, звучат
их мерные, верные, стуки,
говорит их совиный взгляд
32. про любовь, про тоску от Бога,
и про стальную волю,
как бровью вздернул сурово,
и вас не увижу более;
33. как живу бессмысленной вещью,
как уже ничего не помню,—
но не епости вижу резче
отмечаю язык их темный:
34. как в лугах незабудок—небе
луна блином лежит—

Ваших губ петушиный гребень
заставляет нелепо жить,—

35. гобеленами сумерек просыпаться в постели,
долго кольцами дыма мечты бросать,
покуда, в ненужном теле,
истома заставит встать;
36. итти смотреть, где куклятся подкрашенные лица,
где кузнечики скрипок, пианино медь.
Думать: „Что делать? Нюхать? Жениться?
Или умереть?
37. А в дыму папиросном и в цоканьи стаканов,
встает небоскребом Ваше пушистое Имя,
дни, что в луга незабудок канув,
полосами верст исхлестали своими.
38. Потом нежданно, негаданно
бубенцами звеня идей,
эпатировать отрадно
проститутток, как малых детей;—
39. троттуарами, бледными от разгула, в зари разбеге
вести домой себя, как гид,—
Ваших губ петушиный гребень
заставляет нелепо жить.
40. И за все эти бесконечные милости:
не любовь и тоску и плен,
Я дарю клочья тихой радости,
перепутья Моих измен.
41. Но безумствовать заставляет,
что ежели Я не спасусь,
и своим покоем пугает,
на кресте, корявый Иисус.
42. Пройдена не одна дорога
и Я знаю—итти еще,
по которым ходили много,
по которым никто не шел!
43. Пронесется ангелом серпик,
и зарей разматается ужас кровавый,
в нем, подергивая ляшко, терпит
одиноким насмешкой Корявый.

44. А Я, а Я в закатах,
в страницах желтых книг,
ищу счастья самобранную скатерть,
легкую ношу вериг;
45. перелистываю осенние книги
разочарованных стариков,
и яснее, яснее Nihil,
и его совечный закон.
46. Нет не умру, неправда.—
Я лишь отдохнуть хочу:
ах, лежать и гнить отрада
под веселою надписью: „Чушь“
47. Пусть прохожие хохочут яро,
не надо мне вас, Я сам
распнусь в закатных пожарах,
к Его белым прильну ногам.
48. Оставьте! Не надо!
Не захаркаю кровью высь ту—
Я лишь отдохнуть хочу,
пусть черный могильный выступ,
пусть надпись веселая: „Чушь“.

Ч Т Е Н Ь Е III-е.

П. Окорокову.

49. Все также на бульварах.
Глядел Грибоедов на этот же вид.
Только Пушкин гордится, старый,
что памятник сам воздвиг.
50. И на бульвара двуспальной кровати,
где скамейками меряют любовь,
девочки в снежных латах
возле падали иссушенных псов.
51. „Мальчик, мужчина, пойдем за осьмушку хлеба,
за десяток третьего сорту папирос,
ниделю кусок во рту не был,
а за последний бил долго корявый матрос“.

52. Голод! голод
мятелями танцует в улиц пустых желудках;
уже давно последний фонарь расколот,
и выпита его молочная жуть;
53. уже давно изгрызена
последняя буква фамилии Бландова;
уже давно застужена лунная лысина,
и кутается в кучах туч, жидких как тюремная баланда.
54. Где раньше на вывеске голубая, конская, морда
звенела жестью в тротуара пленку,
висит за ножку, из морга,
тельце молочного ребенка;
55. площади, где раньше стучали виски подков,
и звуки в воздухе устраивали мажор—
не платки туберкулезного, как говорил Мариенгоф,
а один сплошной кумач;
56. ночами, страшными ночами, волкам
отдаются бульварами проститутки,
и пулеметом их лупят там,
на Страстном, из трамвайной будки.
57. Жрать! Жрать!
Хлеба! Зрелищ!
Что же ты Боженька рад—
кал, и тот весь поели.
58. И в просвещеннейшем учрежденьи—Поэтов Союзе,
литературном ЧЕКА,
вспорото пузо
буфетчика;
59. звезд в зимнем небе рюмки
с'едены, как шоколад Пока,
позавчера убийца Мирбаха-Блюмкин
стрелял в самого Бога.
60. И на днях Грозный Иоанн с толпою
опричников на Тверскую двинул,
ноги девочкам растягивал клюкою,
точно резину.
61. Сильнее, в теле, похотей мед,
но мороз барабанит по ним,

и холод Москву, к стенам Кремля, жмет,
и колокола в ознобе стали сами звонить.

62. Сгустки крови—не закаты
испражняет над городом смерть;
котлы со смолой по Арбату
ставят черти,
63. и звучит и горюет их песня
воскресенья чудесней:
„Выйду я д-на улицу
Д-на Венскую
Стану кровушку я пить
Д-антилигенскую“.
64. Машут ручками, ножками, по системе Тайлора,
не черти—вовсе танки,
и у каждого в пустоте Торичелевой взора,
20-го века евангелие:
65. „Машина! Машина!
Век наш ей славу грохочет,
даже сердце машинкою нам,
стрекочет все дни и ночи.
66. А там в переулках, Арбага морщинах,
бьется в пророческой грыже
Белый Андрей, руки, как столб телеграфный, раскинув:
„Кризис! Последний кризис“!
67. Я знаю есть тихие, такие тихие фиалки,
и нежен, так нежен запах твоих грудей.
Новый Эдип их не вижу в человеческой свалке,
в конском навозе, каких то банках, кашице тел—матерей, детей.
- Никого теперь не жаль—
68. Западом лик спокойный Люцифера,
готтикой бередит, небесных, синь площадей,
закатность гвоздик в петлице и ровность его пробора
то в Сити, то среди Елисейских полей.
69. С Востока, как шахматы, сухие пески Гоби
двигает глазами роскошными Ариман.
Не напрасно, не напрасно в Кассандровом мы ознобе
стигмы несем кому то в дань,